

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Götz ALY

UNSER KAMPF

1968 — EIN IRRITIERTER BLICK ZURÜCK

Fischer Taschenbuch Verlag

Гётц АЛИ

НАША БОРЬБА

1968 год: оглядываясь с недоумением

·МЫСЛЬ·
Москва

УДК 94(430.131.1)"1968"
ББК 63.3(4Гем)63
А50

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ Бизнес и Мысль

Перевод с немецкого
Нины Ставрогиной и Марины Голубовской
под редакцией Марка Гринберга

Али, Гётц

А50 **Наша борьба : 1968 год: оглядываясь с недоумением /**
Г. Али ; пер. с нем. Н. Ставрогиной и М. Голубовской под ред.
М. Гринберга. — Москва : Мысль, 2018. — 271 с.
ISBN 978-5-244-01195-1

Поколение-68 боролось с государством и с капиталом, называя их «господствующей системой». В 1968 г. игра в «казаков-разбойников» развернулась в условиях благополучия, которое было принесено в Германию экономическим чудом. Власть реагировала на нападки несколько растерянно, но намного разумней, чем утверждает легенда. В исследовании Гётца Али, со временем решительно изменившего свою точку зрения на события 1968 года, они показаны иначе, нежели в сочинениях ветеранов молодежного движения. Али использует документы ведомства федерального канцлера, министерства внутренних дел, службы по защите конституции, а также наследие вернувшихся в Германию из эмиграции профессоров — Рихарда Левенталья и Эрнста Френкеля. Он подкрепляет эти материалы тем, что говорили о внезапно вспыхнувших молодежных беспорядках современники: Петер Вапневски, Йозеф Рагцингер, Иоахим Фест.

Опираясь на источники, он анализирует движение 1968 года как поздний, специфически немецкий отголосок тоталитарного XX века и приходит к заключению: взбунтовавшиеся дети «поколения-33» весьма печальным образом напоминали своих родителей.

УДК 94(430.131.1)"1968"
ББК 63.3(4Гем)63

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ К КАРМАННОМУ ИЗДАНИЮ	12
Поколение, бежавшее от прошлого	19
ВСЕГДА НА ПРАВИЛЬНОЙ СТОРОНЕ	27
Упоение революцией, уверенность в себе	27
Живи вольготно, живи свободно.	
Террор? Охотно!	31
Как согреться на чужом пепелище	35
Хозяева собственной истории	40
Верить документам, а не ветеранам	43
РАСТЕРЯННОСТЬ И СЛАБОСТЬ ГОСУДАРСТВА	47
Гибель Бенно Онезорга	47
МВД ищет зачинщиков	50
Канцлер: обеспокоенный, но рассудительный	53
СИЛА В РАДОСТИ, НАСЛАЖДЕНИЕ В ДЕЙСТВИИ	59
Марксизм с уклоном в психодраму	59
Против «безысходного неистовства» нашего времени	64
Оргазм протеста и общий котел коммуны	67
Революционные сознательные группы в действии	73
ВЫХОД ИЗ БЕДСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ	81
Партизаны, учителя-палочники, блюстители нравов	81
Коричневое видение в Нойкельне	87
Между «кацетле», застоем и модернизацией	91
О ЧЕМ ДУМАЛИ СТУДЕНТЫ	100
Традиционное мышление, революционный порыв	100
Демократическое студенчество, реакционное большинство	105
ЗАХВАТ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ	109
Революционный психоделический трип	109
Пропаганда посредством выстрелов	113
Городской совет как альтернативный парламент	117

ЦАРИ ОБЕЗЬЯН С ЗОЛОТЫМИ ЖЕЗЛАМИ	124
Почитание массового убийцы	124
Что могло быть известно о преступлениях Мао?	130
Либеральные заигрывания с левыми радикалами	135
ОТКРОВЕННО АНТИКОНСТИТУЦИОННАЯ	140
Цель оправдывает средства	140
Вторая внутренняя эмиграция Эрнста Френкеля.	149
Студенческая борьба в Берлине	153
БЕСПАМЯТСТВО ПО-НЕМЕЦКИ: США-СА-СС	162
Разочарование в любви	162
Бегство от нацистского прошлого	165
1968-й: год процессов над нацистскими палачами	169
СТРАХ ПЕРЕД ПРОШЛЫМ И «ПОМЕШАТЕЛЬСТВО НА ЕВРЕЯХ»	176
«Левый» антисемитизм как защита от чувства вины	176
Всё для палестинской революции	180
ПОКОЛЕНИЕ-33 И ПОКОЛЕНИЕ-68	185
Мы ненавидим обывателя.	185
От индивидуализма к коллективизму	187
Против капиталистической монополии на образование	191
Резиновая дубинка против «освободительного движения»	195
КОГДА ПОРАЖЕНИЕ ЛУЧШЕ ПОБЕДЫ	200
Буйство и одержимость немцев	200
Не умеющие плавать встают против воды	204
Эмоционально обездоленные.	209
Публичное обсуждение и домашнее замалчивание	217
Бегство из отечества	219
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	226
ЛИТЕРАТУРА	228
КОММЕНТАРИИ	237
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	265
ОБ АВОРЕ	271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем дольше я занимаюсь Россией, тем более склоняюсь к мысли, что связи, соединяющие Россию и Германию, намного важнее всего, что эти страны разделяет. Для великих немецкоязычных писателей — скажем, Райнера Мариа Рильке или Стефана Цвейга — Россия была точкой отсчета и источником вдохновения; такую же роль для великих русских писателей — от Ивана Тургенева до Федора Достоевского — играла Германия. Жителям обеих стран не раз приходилось страдать от переплетения в обществе черт варварской архаики и просвещенного модерна. Очевидный интерес немецких романтиков к глубинам психики переключается с представлениями о великой русской душе. Многие научные и культурные достижения человечества стали возможны благодаря взаимобмену между нашими странами. С другой стороны, и немецкое, и российское государство часто внушали общим соседям страх и ужас своим стремлением к внешней экспансии.

Прискорбным образом связывает нас самая жестокая война XX века, которую в 1941 году принесла в Россию нацистская диктатура. Никогда еще история не знала такого количества жертв — как солдат, убитых в бою, так и гражданских лиц, уничтоженных на территории Польши и республик бывшего Советского Союза. Начиная с моего первого посещения СССР в 1966 году, когда я возглавлял делегацию молодых демократов, входивших в молодежную организацию СвДП, я все время — и тогда, и в наши дни — удивлялся тому, что не слышу в России высказываний, свидетельствующих о неприязни к немцам. В последние годы вместе с представителями Фонда Фридриха Наумана я посетил многие регионы России — от северо-запада страны (Санкт-Петербург) до Сибири (Иркутск), от Урала (Екатеринбург) до Москвы, — и не раз обсуждал с местными жителями процесс утверждения гражданских прав и прав человека.

В ходе этих бесед мне стало ясно, что лучше всего мы можем научиться чему-то друг у друга, когда отказываемся смотреть на собеседников сквозь привычные очки и делаем предметом обсуждения собственный опыт, почерпнутый из знакомой нам реальности. Русский перевод моей вышедшей третьим изданием книги «Спасти права граждан. Свобода или безопасность: полемические заметки», посвященной утверждению гражданских

прав и прав человека в Германии, служил во время встреч с жителями России отправным пунктом для захватывающих дискуссий. Поэтому я, как и Фонд Фридриха Наумана, рад появлению книги, которая описывает и интерпретирует опыт событий 1968 года в Германии, — она также должна содействовать германо-российскому диалогу.

Разумеется, с точки зрения России 1968 год ознаменован прежде всего подавлением демократического протеста в Праге: эти события для нее более важны, чем происходившее в то время в Берлине. Надо, однако, помнить, что в сегодняшней России есть такая же нетерпеливая молодежь, стремящаяся как можно скорей положить конец коррупции и авторитарным тенденциям в собственном государстве. Может быть, критический взгляд на немецкое студенческое движение 1968 года поможет ей понять, какие идеи способствуют построению открытого общества, и отделить эти идеи от тех, что могут воспроизвести на новом уровне авторитарный дух ее предполагаемых противников?

Диалог, как демократия, существует прежде всего благодаря открытой дискуссии. Лишь в том случае, когда люди постоянно отстаивают гражданские права и права человека, когда им удастся спорить и обсуждать проблемы в публичном пространстве, можно избежать конфликтов, неизбежно возникающих в любом обществе. Мы в Германии считаем 1968 год моментом кристаллизации общественно-политических конфликтов и дискуссии о выборе направления, которая в основном определила развитие демократии в нашей стране в последующие десятилетия. Сегодня мы все едины во мнении, что в период после 1968 года Германия стала более либеральной и демократичной страной. Однако до сих пор у нас идут споры о том, какую роль в этом играли тогдашние наиболее яркие революционеры.

Писатель и журналист Гётц Али внес в эти дебаты важный вклад. Он и раньше, публикуя сочинения, посвященные ужасам национал-социализма, и регулярные колонки в *Tageszeitung*, ставил перед немцами зеркало, в котором с беспощадной отчетливостью демонстрировал их подлинный облик. Хотя в последнее время у нас укрепили свое положение немногочисленные общественные группы, испытывающие под влиянием государственных националистических идей симпатии к нацистскому периоду, чрезвычайно позитивным является то обстоятельство, что в сегодняшней Германии подведена черта под нацистским варварством и дана критическая оценка ответственности, которую несет за случившееся каждый элемент социума,

каждая профессиональная группа, каждое предприятие и каждое общественное объединение. В 1950–60-х годах дело обстояло далеко не так. В моей собственной партии (СвДП) мы очень долго боролись со старыми нацистскими структурами, которые пытались продлить свое существование. Негодование молодежи в те годы отчасти было направлено против молчания военного поколения, которое, хотя и принимало участие в строительстве новой жизни и новой страны, не хотело прояснить собственную роль в становлении тоталитарного государства.

Гётц Али был одним из этих «юных дикарей», желавших пролить свет на непроработанное прошлое и, обнажая загнанный внутрь конфликт, попытаться изменить положение дел. В книге «Наша борьба. 1968 год: Оглядываясь с недоумением» он подвергает самокритичному анализу собственный тогдашний опыт, безжалостно выявляя в нем черты тоталитарного мышления и поведения. Али пытается показать, что в деятельности студентов 1968 года можно проследить преемственную линию, имеющую антидемократические и тоталитарные истоки. Несмотря на их восстание против консерватизма и замалчиваемого национал-социализма поколения родителей, он усматривает в этих молодых людях более тесную связь с их противниками, чем согласились бы признать они сами. С точки зрения Али, либерализация общественной жизни в Германии была в первую очередь следствием взвешенной политики старшего поколения, а не революционных притязаний молодежи.

Он одобрительно отзываясь, в частности, о Ральфе Дарендорфе: этот ученый, вызывающий у меня восхищение, в 1968 году во Фрайбурге дискутировал на крыше автобуса, стоявшего в паркинге перед зданием, где проходил федеральный съезд СвДП, с предводителем студенческого движения Руди Дучке. Беседа Дарендорфа и Дучке, либерального профессора социологии и марксистского активиста, отчасти иллюстрирует тезис, выдвинутый Гётцем Али. С одной стороны – продуманная аргументация реформатора, с другой – эмоциональные требования революционных перемен, высказанные более молодым участником дискуссии. Впрочем, в этом образе нельзя разглядеть предысторию тогдашней ситуации. Желая прояснить для старших членов партии, чем именно взбудоражена молодежь во многих германских университетах, я, возглавлявший в то время молодежную организацию СвДП, пригласил Руди Дучке на съезд. Мы считали нужным устроить очную ставку либералов с этим авторитетным представителем части молодого поколения, хотя

Дучке в сущности был далек от либеральных позиций. В несогласии с вьетнамской войной мы были с ним едины. Однако тогдашний либеральный истеблишмент еще не был готов к таким дебатам. Дарендорф, который настойчиво искал возможность завязать диалог и тем самым проявлял подлинную либеральность, был явным исключением. Ему, как и мне, основные требования молодежи, ее призыв к реформам и проработке прошлого, казались вполне оправданными — ведь мы тоже принадлежали к этому молодому поколению.

Сам я и сегодня оцениваю движение 1968 года более положительно, чем Гётц Али. Эту оценку я разделяю с Ральфом Дарендорфом, который в книге «Соблазны несвободы» писал: «В зеркале обратного вида 1968 год предстает модернизационным рывком — к равноправию женщин и обществу знания, к гражданским инициативам и осознанию экологических проблем, к толерантности в отношении других и заинтересованном отношении к тому, что происходит вдали от страны. Вместе с тем он стал моментом утверждения релятивизма и в этом своем качестве явил в просвещенном мире открытого общества оборотный, фундаменталистский лик Януса».

Мы, члены партий социально-либеральной коалиции, хотели сломать закоряченные структуры аденауэровской эпохи, сделать ответственность за нацистские преступления предметом гласности и модернизировать общество. Следуя традициям либерализма, мы хотели претворить нашу конституцию, опирающуюся на представления о человеческом достоинстве, в действительность, которая воплощала бы конституционные нормы. Мы ощущали ветер общественных перемен, и наши партии, подгоняемые им, приняли тогда решение о реформах, которые по сей день определяют облик Германии. Ключевым лозунгом первого заявления правительства Брандта—Шееля был: «Больше демократии!» Мы сознавали, что эти реформы наберут ход лишь в том случае, если каждое из поколений, живущих в нашей стране, будет противостоять ползучей утрате фундаментальных либеральных ценностей. В современной Германии, где нарастают расистские настроения, это по-прежнему остается самой насущной задачей. В те годы мы утвердили либеральное мышление почти во всех сферах общества — от правопорядка до образовательной политики —. Одновременно мы с большим напряжением сил, преодолевая мощное сопротивление консервативных слоев населения, инициировали новую политику в отношении ГДР и стран Восточного блока. Позже она сыграла,

среди прочего, решающую роль в процессе воссоединения Германии и освобождения Восточной Европы.

Гётц Али весьма точно описывает движение-68, имевшее глобальные корни. Все же, с моей точки зрения — а я также был современником событий, — он оценивает это движение чересчур негативно. Тем не менее его книга излагает достоверный взгляд на ситуацию тех лет и обладает высокой документальной ценностью. Разумеется, из того, что он справедливо критикует в тогдашних антилиберальных тенденциях, сейчас осталось не так много: например, желание упразднить капиталистическую экономику. Правда, она не была реформирована так, как того хотели мы, либералы, но поставлена теперь на гораздо более прочные основания, чем имела когда-либо.

В решении самых важных проблем возобладали позитивные тенденции. Как иногда утверждают — и я присоединяюсь к этому выводу, — в те годы республика была практически переустроена заново. Наши друзья из гражданского движения в ГДР с огромным интересом наблюдали процесс этого пробуждения издалека и страдали от того, что в их обществе не происходит ничего подобного.

Хочу закончить цитатой из великого философа Карла Поппера: «Мы можем интерпретировать историю с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу, равенство и за предотвращение международных преступлений. Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели. И хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл». Этой цели хотим служить и мы, когда возвращаемся с помощью книги Гетца Али к событиям, происходившим в 1968 году в Германии, и обсуждаем их с российскими читателями.

Герхард Баум,
бывший министр
внутренних дел ФРГ

ПРЕДИСЛОВИЕ к карманному изданию

Первое издание моей книги, предложившей критический взгляд на события 1968 года, было приурочено к сороковой годовщине тогдашних протестных выступлений. Возмущенная реакция постаревших борцов за лучший мир не заставила себя ждать. Чтобы выкурить позавчерашних противников авторитаризма из их уютного гнездышка, достаточно было включить в книгу, опубликованную под ностальгическим заголовком «Наша борьба», несколько язвительных замечаний о давно минувшей эпохе исканий и блужданий. Тут же раздались возмущенные крики: «У него стыда нет! Какая мерзость! Что он себе позволяет!»

Стайки боевых друзей и подруг, держа друг друга под руку, появлялись на моих многочисленных — в те дни я выступал около сорока раз — чтениях. Седовласые дамы и господа, хмурясь, рассаживались в зале и принимались за дело: «Ренегат! Перебежчик! Барышник! Мы и читать не станем твою пачкотню!» Называя меня «предателем» и «доносчиком», они в то же время заверяли слушателей в «исключительно просветительском характере» их движения и в собственной непорочности. Как только я посмел обличить хотя бы одного человека из этого чистого мира гуманности и всестороннего раскрепощения!

Перед презентацией моей книги в вендландском городке Хитцакере там был распространен призыв к бойкоту. Воззвание сочинили несколько представителей старого «альтернативного» движения, которых немало в районе Люхов—Данненберг. Они борются за справедливое распределение ресурсов, против ядерной энергетики и владеют домами, где на человека приходится добрых полтораста квадратных метров жилой площади. Несмотря на предупреждение, собралось около тридцати слушателей. Все они хорошо разогрелись в своих домах под камышовыми крышами* и кипели от возмущения. В конце вечера ко мне подошла подтянутая пожилая дама: «Меня зовут Эдельгард». Глядя с укоризной, она молча протянула мне свою брошюру

---

* Характерная черта региона; в настоящее время — признак зажиточности владельцев дома. — Здесь и ниже звездочками обозначены примечания переводчиков и редактора. Примечания автора, обозначенные арабскими цифрами, вынесены в конец текста.

«Добьемся большего вместе. Краткое руководство для активистских групп». Труд Эдельгард открывается задорным обращением: «Всем привет!» — и завершается бодрым лозунгом на обороте обложки: «Будем на одной волне». Ничем не напоминает концепцию «народной общности»*, а? Ну что вы! Откуда взяться врагам в стране активистских групп, где обитает Эдельгард?

В ходе подобных встреч мои оппоненты обычно выдвигали четыре аргумента в свою защиту: 1. Тот, кого не было среди нас, не вправе судить об этом времени. 2. Мы стремились к новому. 3. Не все было плохо. 4. Мы не позволим лишиться себя биографии. Примерно то же заявляли после 1945 года родители бунтарей 68-го, а после 1989-го — многие жители ГДР. Первые столкновения с противниками моей книги подсказали мне слоган для дальнейших выступлений: «Против сорокалетней гнили»**.

Многие, хотя и не все ветераны 68-го во время дискуссий сознательно уклонялись от неудобных воспоминаний и приукрашивали прошлое. Они вполне серьезно утверждали, что часто скандировавшийся, начиная с февраля 1968 года, лозунг «США-СА-СС» (USA-SA-SS), который ясно свидетельствовал о стремлении детей нацистов переложить вину на чужие плечи, был завезен из Франции. Как он звучал по-французски, эти сказочники не уточняли. Если не вдаваться в подобные детали, можно сказать, что активные участники движения 1968 года в настоящее время ограничиваются двумя отговорками: 1. Во Франкфурте все происходило не так, как в Западном Берлине, а в Тюбингене и подавно. 2. Я был еще слишком молод (вариант: уже слишком стар) для участия в «серьезных беспорядках». Они, конечно, имели место, но как-то стерлись из памяти.

Так, «зеленые» забыли тот факт, что к моменту основания партии ее руководство наполовину, если не больше, составляли выходцы из маоистских революционных объединений «спонти» или из групп марксистских доктринеров. Напротив, те же самые люди — как бы их ни звали: Антье Фольмер, Йошка Фишер, Юрген Триттин или Клаудия Рот, — в один голос твердят, что такие группы следует рассматривать лишь как прискорбное побочное явление, вызванное общим «прорывом». Тут нет ничего загадочного, — биографии десятков тысяч западногерманских

---

* Элемент идеологического словаря национал-социализма.

** Обыгрывается известный студенческий лозунг: «Мантии прикрыли мерзость тысячелетней гнили» (ср. ниже главу «Коричневое видение в Нойкельне»).

студентов, в сущности, ничуть не меньше подпорчены их позднейшими симпатиями к просоветскому Марксистскому студенческому союзу «Спартак», к теории государственно-монополистического капитализма Стамокар, поддерживаемой молодыми социалистами, и к очередному троцкистскому Интернационалу.

Левые книготорговцы, прежде привечавшие меня и мои работы о национал-социализме, теперь не желали рекомендовать покупателям книгу, которую называли неслыханным безобразием и «дико опасным» сочинением (Ютта Дитфурт); исключение составил только марбургский книжный магазин Roter Stern. Многие торговцы из этого круга отвечали бранью, когда к ним обращались представители издательства S. Fischer Verlag, и предостерегали постоянных клиентов и держательниц дисконтных карт от покупки моего сочинения. В таких магазинах пользовались успехом книги с прочувствованными названиями вроде «Руди и Ульрика»* или «Мой 68-й», раскупались записки современников «Дух мятежа», а слабовидящие приобретали друг для друга иллюстрированный альбом «Мы там были», сопровождая подарок надписью: «сердечно приветствую». В летнем семестре 2008 года руководство Гёттингенского университета отклонило предложение студентов пригласить меня для обсуждения событий 1968 года. Отказ предоставить скромную финансовую поддержку, обычную при организации подобных мероприятий, сопровождался недвусмысленным указанием на то, что книга «Наша борьба» — не лучшее чтение для университетской молодежи. Несмотря на это, студенты читали книгу с интересом.

Более вдумчивые представители поколения-68 избегают открытой конфронтации, предпочитая исподволь навязывать свои легенды, прежде всего — утверждение, будто они, — соглашаясь теперь с необходимостью критики и самокритики в отношении частностей, — все же содействовали тогда запуску назревших реформ. Некоторые утверждают, что в то время Федеративная Республика Германия была учреждена заново, во второй раз, и лишь протестные выступления вдохнули в нее дух свободы¹.

В этих мифах отражается чрезмерная переоценка собственной роли. На самом деле важнейшие для ФРГ реформы стартовали в начале 1960-х годов. Бремя их реализации легло на плечи

---

* Руди Дучке (1940–1979) — социолог и политик, лидер «новых левых», один из главных героев настоящей книги Гетца Али; Ульрика Майнхоф (1934–1976) — общественная деятельница, писательница, террористка.

многих наших старших современников — тех, кому сегодня от 75 до 85 лет и кто вместе с вернувшимися эмигрантами, антифашистами, а также раскаявшимися нацистами взял на себя тогда этот нелегкий труд. В 1963 году Фриц Бауэр, Ханс Бюргер-Принц, Ханс Гизе и Герберт Йегер выпустили манифест «Сексуальность и преступление. Статьи о реформе уголовного права», после чего соответствующий вопрос был внесен в бундестаг. Ральф Дарендорф своей книгой «Общество и демократия в Германии» (1965) внес существенный вклад в новую культуру общественных дискуссий. Фильм Ингмара Бергмана «Молчание», где в двух сценах изображался половой акт, подверг серьезному испытанию действовавший в то время моральный кодекс. В 1964 году Федеральное цензурное учреждение, не желая посягать на свободу творчества, пропустило ленту в кинопрокат без купюр, ее посмотрели одиннадцать миллионов немцев. Расцветить сексуальную жизнь призывал вовсе не Райнер Лангханс, а родившийся в 1928 году журналист и кинематографист Освальт Колле. В его фильме «Чудо любви» содержались простые рекомендации, как сделать уютнее спальни немцев, освещаемые единственным матовым потолочным светильником, неотопливаемые и крайне скудно обставленные. Непосредственных участников, особенно мужчин, он учил превращать минуты одностороннего блаженства в часы обоюдного счастья и побуждал к смелым экспериментам в сексуальной сфере. Если вспомнить мужской лозунг, введенный в обиход поколением-68: «Верный любовник — тот же чиновник», — то Освальта Колле безусловно можно причислить к просвещенным гуманистам периода становления ФРГ.

Переходные процессы наблюдались и в партийной политике. В Свободной демократической партии (СвДП), которая в 1950-е годы еще могла мириться с так называемым «гауляйтерским крылом», партийный молодежь сумел наконец преодолеть влияние старых нацистов. Среди героев переворота были Вальтер Шеель, Ханс-Дитрих Геншер, Лизелотте Функе — тогда еще молодые люди. Параллельно менялись настроения избирателей ФРГ: начиная с 1961 года постепенно — процент к проценту — накапливалось большинство, считавшее возможным видеть на посту федерального канцлера Вилли Брандта, который в глазах консерваторов был «предателем родины». Все эти бурные перемены в немецком обществе и подготовили почву для 1968 года. Участники протестного движения лишь пользовались тем, что нес с собой тогдашний дух реформ, но не были его творцами. Социолог культуры Вольфганг Эсбах, сам состоявший в те годы

в Социалистическом союзе немецких студентов (ССНС), в 2006 году констатировал: «Нужно признать, что многие активные реформаторы, родившиеся в начале 1930-х и ставшие зачинателями преобразования ФРГ в начале 1960-х, в сегодняшней исторической памяти потеснены поколением-68». Эсбах указывает, что «поколению-68 приходилось бороться в первую очередь не со старыми нацистами», а с «молодыми, реформаторски настроенными и задиристыми университетскими профессорами, полными новых идей»².

В моей книге я воздаю должное многим из этих ученых — от Вильгельма Вайшеделя до графа Кристиана фон Крокова. Их ряд легко расширить. Так, философ Одо Марквард, поначалу сочувствовавший новым левым, в 1967 году изменил точку зрения, усмотрев в их собраниях «слишком большое сходство с национал-социалистическими вечерними занятиями (Schulungsabende)», которые он посещал в юности. Причина аллергической реакции историка Йозефа Вульфа, пережившего холокост, была иной. В Берлине он быстро заметил, что новые левые начали отказываться от солидарности с Израилем, прежде более или менее естественной, и берут сторону палестинских партизан. В этой связи нельзя отделаться от тревожного вопроса: разве Вульф, человек, бежавший от нацистов и затем вернувшийся в Германию, покончил бы с собой в 1974 году, если бы мы, поколение-68, вместо того чтобы в 1967 году увлечься «теорией фашизма»*, имевшей мало общего с реальностью, читали его труды? Такой же скепсис по отношению к новому левому движению испытывал и Жан Амери. Ханна Арендт в 1967 году сухо возразила молодому немцу, одержимому идеей мировой революции: «Без сомнения, тот факт, что в Иране, Вьетнаме и Бразилии налицо “недостойная обстановка”, нас касается, однако это, в сущности, от нас не зависит. Мне кажется, у вас что-то вроде ложной мании величия. Попробуйте заняться политикой в Иране, и вы быстро исцелитесь. [...] Там, где дело идет о политике, полезно ограничивать мысль известными пределами»³. За исключением Герберта Маркузе, почти все эмигранты, которые после 1933 года были вынуждены покинуть Германию, реагировали примерно так же: поначалу молодежные волнения их радовали, но спустя несколько месяцев они начали ужасаться

---

* Об этой теории, растворявшей специфику немецкого национал-социализма во всеобщем, повсеместно распространенном в 1930-е годы фашизме, см. ниже.

немецкому неистовству, овладевшему бунтарями 68-го и перешедшему в бешеную ярость, слишком хорошо им знакомую.

Генерал-бас недавней национальной истории не смолкал в протестном движении 1968 года. Он придавал ему — вопреки всем привлекательным вариациям верхних голосов — неприятный основной тон. Уже в 1969 году эта проблема, по сути чрезвычайно немецкая, получила зримое выражение в художественном фильме «Альма-матер», который был снят Рольфом Хедрихом в Свободном университете Берлина по заказу компании Norddeutscher Rundfunk. Фильм стал убедительным репортажем о протестах, ведущемся с места событий; несколько раз съемке мешали реальные акции саботажа, предпринятые с целью ее сорвать: они органично вплетались в художественное действие. Сценарий написал Дитер Майхснер. Как и Хедрих, он принадлежал к поколению тех студентов, которые были основателями Свободного университета*. Они построили сюжет на основе собственного опыта, бесед, наблюдений и впечатлений периода январской забастовки 1969 года; съемки проходили в течение летнего семестра. Так появилась эта реалистическая картина, запечатлевшая кризисную, возбужденную атмосферу той поры. В центре повествования — профессор истории Фройденберг, либерально настроенный репатриант, который отчаивается в новых университетских порядках и вторично покидает Германию. Саундтрек сохранил голос говорящего со швабским акцентом функционера ССНС Тильмана Фихтера, который неустанно призывает к революционному «разрушению». Правдоподобный образ Фройденберга создан на основе рассказов и личных впечатлений тогдашних профессоров Свободного университета Эрнста Эдуарда Хирша, Рихарда Левенталя и Эрнста Френкеля, вернувшихся из эмиграции. В моей книге я не раз предоставляю слово двум последним. Быть может, именно этот фильм стал наиболее веским документальным свидетельством о студенческих волнениях в 1969 году.

На этом фоне мемуары, написанные в наши дни, выглядят бледно. Авторы слишком снисходительны к самим себе, слишком склонны забывать то, о чем неприятно вспоминать. Возьмем книгу «Бунт и безумие» («Rebellion und Wahn», 2008). Пример сам напрашивается, поскольку ее автор Петер Шнай-

---

* В 1948 г. подготовительной работой по созданию Свободного университета занимался студенческий комитет.

дер постоянно корит меня тем, что «Наша борьба» — конкурирующий товар! — свидетельствует о «ненависти к себе». Пусть так, но чем оборачивается любовь к себе? Скажем, на стр. 334 Шнайдер упоминает декабрьскую конференцию 1969 года, на которой верхушка революционеров Западного Берлина обсуждала свою дальнейшую стратегию. Эта встреча была очень важна, поскольку выдвинула на авансцену злополучные группировки профессиональных марксистов-ленинцев и окончательно отвратила бунтующих студентов от стремления к демократическим переменам. Шнайдер, принадлежавший к узкому кругу лидеров, который насчитывал около 20 человек, брал слово дважды. Сегодня он более чем сжато резюмирует свои тогдашние идеи: «Тот, кто принимает революцию всерьез, — так он будто бы заявил в те дни, — должен отправиться на предприятия и мобилизовать рабочий класс». Мне, тогда совсем юному студенту, с нетерпением ожидавшему результатов конференции, помнится совсем другое. Что именно — можно услышать и сегодня. Учитывая выдающееся значение собственных речей для дальнейшей судьбы человечества (его прогрессивной части), основатели будущей идейной секты увековечили их на магнитофонной пленке.

Согласно записи, товарищ Петер Шнайдер сформулировал следующую задачу: «дать толчок классовой борьбе в Германии», «подключить наиболее угнетенные слои населения к стратегии наиболее мобилизованных борцов» и создать «революционный авангард». И вот что под этим подразумевалось: «Только централизованная организация, следующая марксистско-ленинскому образцу, в принципе способна пробудить стихийное движение. [...] Профессиональным революционером становится лишь тот, кого признают вождем в борьбе народных масс, — а значит, недостаточно сказать, что студенты должны идти на предприятия, приобретать там практический опыт и затем уходить. [...] Совершенно необходимо, чтобы при проведении акций или во время производственных конфликтов студенты могли брать на себя лидерские функции, и в будущем, я считаю, нам не следует мириться с пребыванием в революционной организации тех, кто не удовлетворяет этим требованиям. [...] Я утверждаю, что на первом этапе создания организации она должна строиться сверху вниз и что приоритет будет отдан принципу централизма; что в Германии этот этап продлится долго и что он нужен для подготовки окончательного закрепления позиций централизованной марксистско-ленинской организации в массах»⁴.

Из написанного Шнайдером в 2008 году следует, что к созданию позднейших доктринерских коммунистических групп (К-групп) на той конференции дело вели «всегда вызывавшие у него неприятное чувство» «параноики», один из которых носил эмблему «Мертвой головы». Всех этих людей Шнайдер перечисляет поименно. Сам же он, согласно представленному спустя 38 лет собственному отчету, желал лишь «направить на верный путь сознание» немецких рабочих и уже тогда задавал себе вопрос: «Разве все это означало, что мне следует немедленно вступить в организацию профессиональных революционеров?»⁵ В целом, по утверждению издательства, книга Шнайдера опирается на поистине «бесценный материал», а именно его «дневник»: автор якобы был «одним из редких одиночек», которые вели в ту пору подобную запись событий. Между тем события 1968 года давно нуждаются в подлинном документальном описании, использующем самые разнообразные источники, а не саморепрезентацию так называемых свидетелей, не всегда надежных. К этому должна побудить настоящая книга.

Поколение, бежавшее от прошлого

Разумеется, не преминули письменно рассказать о прошлом и другие бывшие соратники, хорошо запомнившие тягостные моменты той беспокойной эпохи. К числу таких авторов принадлежит писательница Сибилла Левитшарофф. Она еще в школьные годы, до окончания в 1972 году штутгартской гимназии, была вовлечена в антиавторитарное движение, о чем рассказывает теперь с видимой неохотой: «Моя память склонна вычищать из минувшего времени все неприглядное». Никогда не примыкавшая к отъявленным радикалам, она все же вспоминает свой тогдашний «видоизмененный антисемитизм», «жестокость, авторитарность под маской ее противоположности, нежелание видеть действительность, авантюрный нарциссизм». Глядя в прошлое, она видит, как ее поколение «пыталось свалить с души бремя немецких несчастий, буквально захлебываясь патетическими словесами»: это для них было важным, самым важным, важным в глобальном масштабе, но находило выход в бесконечном «бла-бла-бла: по большей части серьезном, изредка остроумном».

Сибилла Левитшарофф описывает, как «примерно в 1970 году» профессиональные революционеры хлынули из Франкфурта в швабскую провинцию, вербуя школьников и, с равным энтузиазмом, школьниц. «Один как будто прибыл из кружка

анархистов времен Достоевского и, кажется, после своего появления ни разу не мылся — толстенький человечек с окладистой бородой, вращавший горящими глазами. Другой — политработник в кожаных доспехах, по профессии почтальон, с головой как облизанное яйцо: жуткая ассоциация напрашивалась еще и потому, что перед каждой фразой он для разгона прикасался кончиком языка к уголку рта. Не забудем и хладнокровных комиссаров — офисных технократов и знатоков оружия, которые выполняли инструкцию: соблазнять девиц где только можно, и гастролировали в регионе Штутгарта, обеспечивая движение новым материалом (я не шучу, именно так это называлось). Да, и еще: рабочий-вундеркинд из Фойербаха. Воздев указательный перст, он проповедовал тихим голосом, как Иисус в храме»⁶.

Петер Фурт не похож на «бывших»; кроме того, он существенно их старше. Но рассуждает примерно так же. Когда-то он был учеником Адорно и издавал вместе с ним журнал *Das Argument*. Сегодня Фурт пришел к выводу, что «в движении 1968 года было нечто тоталитарное». Он сожалеет о разрушительных последствиях протестных выступлений, о заносчивости и партийном конформизме, присущих мышлению левых. Но больше всего раскаивается в том, что в 1968 году обозвал своего реформаторски настроенного тестя — еврея и социал-демократа, прошедшего через Бухенвальд, — «националистским бонзой», даже не заметив, что перед ним стоит один из немногих истинных республиканцев⁷.

В моей книге я цитирую бывшего председателя ССНС Раймута Райхе, написавшего весьма сомнительное сочинение о «сексуальной революции». Нельзя, однако, обойти молчанием самокритичную оценку прошлого, которую Райхе дал в 1988 году, — при первом издании я упустил ее из виду. По смыслу эти высказывания переключаются с двумя заключительными главами настоящей книги: «Страх перед прошлым и “помешательство на евреях”» и «Поколение-33 и поколение-68». Более двадцати лет назад Райхе признал, что некоторые факты и события той поры попросту не попадали в светлое поле сознания молодых людей; прежде всего он отметил, что бунтари не увидели «предмета для обсуждения» в книге «Неспособность скорбеть» («Die Unfähigkeit zu trauern»), опубликованной в 1967 году Александром и Маргарете Митшерлих. Причина такой близорукости проста: они как раз делали в ту пору все, чтобы «самим стать частью этого предмета». Банализацию национал-социализма, сведение его к фашизму, повсеместно распространенно-

му в 1930-е годы и будто бы лишь перешедшему в острую форму в Германии, Райхе оценивает как попытку «развоплотить» специфическую опасность, которая крылась именно в немецком прошлом. В тогдашних поисках «революционного субъекта» он усматривает желание убедить себя, что «широкие народные массы — в том числе и наши родители, — были на самом деле, в глубине души, “хорошими”, а национал-социалистическое “зло” по отношению к ним — чем-то наносным». Далее, приведя примеры «воинствующего ригоризма», он спрашивает: почему поколению 1968 года непременно было нужно «разрушать» все, что ему казалось неправильным? Почему эти люди считали детскую боязнь разлучения с родителями одной из форм «ложного сознания»? Почему члены «Коммуны-1» позировали для знаменитой фотографии раздетыми*? Почему они, стоя у стены с поднятыми руками, спиной к объективу, поставили рядом голого ребенка?

В заключение Райхе цитирует сборник, изданный в 1969 году в Западном Берлине «Центральным советом социалистических детских садов» («Zentralrat der sozialistischen Kinderläden»)**. Здесь напечатана работа Анны Фрейд и Софи Данн о шестерых детях в возрасте от полугода до года, которые были разлучены с родителями в концлагере Терезиенштадт и остались живы. Члены «Центрального совета» обличали авторов этой работы, называя их «учеными буржуазно-аффирмативного направления», оценивали годы, которые детям пришлось провести в концлагере, как «попытку коллективного воспитания» и ставили вопрос: «Служит ли коллективное поведение, которое демонстрировали эти шестеро детей, ценным вкладом в опыт человеческих отношений?» Ответ, как ни трудно поверить, был безоговорочно положительным.

Если Фрейд и Данн тщательно изучили и документально зафиксировали тяжелые травмы, сказавшиеся на психическом и физическом развитии детей, то молодые немцы и немки из «Центрального совета» увидели в Терезиенштадте поле для экспериментов: «Принадлежность к лагерной группе помогала каждому

---

* Желая выразить протест против ареста их соратника Фрица Тойфеля в июне 1967 г., члены «Коммуны-1» сфотографировались обнаженными. Фотография сопровождалась заголовком: «Частное — это политическое!»

** Речь идет о так называемых «детских садах антиавторитарного типа» — проекте, который продвигали тогдашние новые левые. Эти детские сады, возникшие в конце 1960-х в Берлине и организованные на началах взаимопомощи молодых матерей, получили название от разорившейся сети магазинов «Tante-Emma-Laden».

ребенку развить и во всей полноте проявить индивидуальные способности. Ограничения, которым вследствие этого подвергалась вся группа, принимались ее членами с готовностью. [...] Дети автоматически заступались друг за друга, когда чувствовали себя в опасности или считали наказание несправедливым. Они лучше, чем взрослые обитатели гетто [Терезиенштадта], противостояли враждебному окружению, стихийно выработав формы солидарности, тогда как большинство заключенных приходили к такой солидарности — если приходили вообще — лишь в результате мучительного опыта и под гнетом обстоятельств»⁸. Тот, кто даст себе труд и у кого достанет силы воли читать сегодня подобные сочинения, уже не сможет предаваться благодушным воспоминаниям о 1968 годе.

Сочинители текстов, искажающих действительность, существуют везде. Проблема в другом: брошюра, изданная «Центральным советом», распродалась в огромных количествах перед столовой Свободного университета и во время бесчисленных политических собраний. Никто из покупателей — обычных любопытствующих или гиперкритичных неопитов — не оспорил ее содержания. В знаменитой, многократно переизданной книжке «Детский сад. Революция в деле воспитания или воспитание для дела революции?» («Kinderläden. Revolution der Erziehung oder Erziehung zur Revolution?», 1971), выпущенной издательством Rowohlt, одиозному «Центральному совету» было отведено почетное место, а цитируемая мной брошюра была включена в необычайно сжатый — и необычайно показательный — список рекомендуемой литературы. Как редактор, ответственность за серию *gogogo-aktuell* нес Фраймут Дуве, будущий депутат бундестага от Социал-демократической партии Германии.

Все эти далеко не случайные ошибки, как и душевная глухота немецкого поколения-68, убедительно доказывают, что его связывают с гитлеровской молодежью, поколением-33, исторические и генеалогические узы. С точки зрения социальной педагогики это утверждение тривиально. Преемственность не могла не возникнуть. Последние были родителями первых. В 1933 году эти будущие родители, совсем еще молодые, всерьез увлеклись национал-социализмом. Они переживали этап жизненного пути, более всего располагающий к восприятию радикальных идей, ощущали со стороны нацистского государства особую заинтересованность в молодежи, делали первые успехи на профессиональном поприще и формировали для себя дружеский круг. Тем родителям, которым в 1933 году было от 15 до 20 лет, после

1945 года было очень трудно вернуться к ценностям и ориентирам донацистского времени. Эти люди потерпели полный моральный крах. Кроме того, два последних военных года их тяжело травмировали. Вполне естественно, что поколение их детей по большей части восприняло — через родных, учителей и тогдашних кумиров молодежи — изрядную дозу старой отравы, действие которой проявилось позже в протестном движении. Это поколение, пройдя через краткую начальную фазу бунта, еще проникнутую духом свободы, сразу же было одурманено привычным мышлением в координатах «друзья-враги», которое в годы «холодной войны» — ставшей прямым следствием развязанной Германией истребительной войны, — не теряло силы и примерно с 1967 по 1977 год оказывало решающее влияние на умы студенчества. Я не упрекаю, не виню поколение-68, но и не хочу его хвалить. Речь идет об историческом факте.

Многие из моих слушателей не скрывали недовольства, когда во время чтений я пытался показать взаимосвязь этих коллективных биографий. «Нет, вся правда в том, — возразила 60-летняя слушательница, — что мы хотели добра! А национал-социализм был злом».

«Вероятно, — спросил я, — мы с вами согласимся, что жизнь немецкого общества в течение десятилетий определялась последствиями национал-социализма, войны и немецких преступлений?»

«Да, разумеется!»

«Почему же вы так уверены, что именно ваш жизненный проект был свободен от этого воздействия?»

Молчание.

В книге «Бунт и безумие» Петер Шнайдер рассказывает, как в период студенческих волнений Руди Дучке высказывался о национал-социализме. Его товарищ по ССНС Тильман Фихтер спросил как-то, не пора ли им вместо постоянного возмущения империалистическим насилием в Африке и Вьетнаме «сделать хоть что-то в связи с убийством евреев». Дучке, немного помедлив, ответил: «Если затеем это, то растеряем всю нашу силу. Такая кампания нашему поколению не по плечу, из этой истории мы никогда не выпутаемся. Нельзя одновременно проработывать проблему убийства евреев и делать революцию. Сначала нужно притивопоставить этому прошлому нечто положительное»⁹.

Руди Дучке, а с ним и все поколение 1968 года спасались от немецкой истории бегством. Практические последствия

этого бегства описывает Райнхард Штрекер, который с середины 1950-х активно информировал общество о преступлениях немцев и в 1960 году стал референтом ССНС по вопросам национал-социалистического прошлого. В том же году члены ССНС организовали в берлинском Зале конгрессов выставку, посвященную преследованиям евреев. Эта деятельность прервалась, как только в 1965 году в ССНС усилилось влияние Руди Дучке, Бернда Рабеля и Кристиана Землера. Отныне «предметное изучение эпохи национал-социализма считалось маловажным». Штрекер больше никогда не получал «от этих людей» денег на свои проекты. «Для антиавторитаристов важна была в первую очередь зрелищность, — заключает он сегодня. — Эпоху национал-социализма не так-то просто было использовать, чтобы покрасоваться самим. Как бы то ни было, и сами жертвы, и обязанность им помочь полностью выпали из их поля зрения: его целиком заслонила идея всеобъемлющей социальной революции»¹⁰. Вопрос, почему Дучке и Рабель перестали проявлять интерес к нацистскому прошлому, можно оставить открытым. Но почему их невежество и равнодушие внезапно получили поддержку большинства молодых людей? Для себя я объясняю это следующим образом.

В послевоенные годы студенты-68 стали первым поколением молодежи, которой в переходном возрасте и в момент обретения самостоятельности пришлось без какой-либо подготовки и помощи со стороны семьи и общества заглянуть в бездну, носящую имя «Освенцим». Силы, содействовавшие широкому разоблачению нацистских преступлений, сформировались внутри государственных учреждений: в земельных парламентах и управлениях юстиции, а также — в большей или меньшей степени — в федеральных и земельных министерствах. Продолжительные дебаты в бундестаге о сроках давности этих преступлений, создание Центрального ведомства по расследованию преступлений нацизма, непрерывные споры по вопросам реституции — все это было востребовано и проводилось в жизнь отнюдь не общественным большинством, а, вопреки воле этого большинства, конституционными органами второй немецкой республики. Из процессов над национал-социалистами, которые начиная с 1958 года были инициированы органами правосудия и получали освещение в средствах массовой информации, молодое поколение неизменно извлекало один и тот же урок: как правило, обвиняемые были людьми, не нарушавшими закон ни до начала нацистского правления, ни после его окончания, имели обычные профессии, происходили из самых разных слоев населе-

ния, — сходство этих людей с соседом по дому, провизором из аптеки через дорогу, семейным врачом, почтенным школьным учителем или собственным отцом внушало неподдельный страх.

Время этого открытия оказалось слишком тяжелым. Молодые западные немцы (в отличие, к слову, от их сверстников из ГДР и Австрии) со всей ясностью увидели преступления, совершенные их родными отцами, — преступления, которые «будут тяготить мир, где мы живем, всегда, пока он существует»¹¹. В этих условиях вполне объяснима их паническая «реакция избегания», обернувшаяся неуправляемым бегством в горячее марево революционного бреда. Поскольку родители, семья и общественные силы были не в состоянии — по-видимому, для этого еще не созрев, — что-то противопоставить страшным фактам, студенты и школьники в 1968 году избрали своим главным врагом государство.

В целом 1968 год был следствием Второй мировой войны, которая оказалась для немцев наиболее масштабной массовой травмой со времен Тридцатилетней войны. В Вестфальском мирном договоре 1648 года сказано: нельзя поминать прошлое. Применительно к 1945 году это означало следующее: уцелевшие — и жертвы, и побежденные в кровопролитной борьбе преступники — должны были вытеснить прошлое из памяти, чтобы начать жить заново. Человечество, израненное телесно и душевно, прописало себе своеобразный целительный сон, что-то вроде искусственной комы, в которую сегодня врачи погружают пациентов с тяжелыми травмами. Политической формой этой искусственной комы была «холодная война»: она, в сущности, заморозила прошлое. Но время шло, выросло первое послевоенное поколение, и мир начал выходить из коматозного состояния. Пробуждение оказалось неприятным, сопровождалось мучительными болями, спазмами и потерей ориентации. Особенно болезненно оно протекало в стране, которая развязала войну и — спасибо союзникам! — ее проиграла. Ведь в 1945 году, в отличие от 1648-го, виновниками войны, вне всякого сомнения, были немцы. Именно поэтому в Германии бунт 1968 года носил более жестокий и затяжной характер, чем в Англии, Америке или Франции. В странах, которые вели оборонительную войну и одержали победу, силы, сплывающие общество и верные традициям, оказались гораздо более мощными, чем в Германии, где общество утратило нравственные основы и внутреннюю гибкость. (Кстати, то же можно сказать о волнениях 1968 года в других странах-агрессорах — Японии и Италии.)

В 1995 году Одо Марквард, которого я уже цитировал, назвал протесты 1968 года попыткой «вновь запустить» «механизмы освобождения от бремени вины», с помощью которых часть немецкого общества после 1945 года старалась бежать от прошлого. В середине 1950-х годов эта потребность в самооправдании усилилась: отчасти из-за роста благосостояния, очень быстро превысившего уровень жизни в странах, которые пострадали от расовых войн, развязанных Германией, отчасти в связи с вскрывшимися подробностями массовых убийств, которые больше невозможно было замалчивать.

Все это делало «чувство вины и стыда нестерпимым», особенно для молодого поколения. В 1968 году молодежь «бежала» «от обычной совестливости к самоотождествлению с совестью человечества»: «От угрызений собственной совести можно было избавиться или хотя бы их смягчить, становясь угрызениями совести для других». Далее Марквард пишет о типичной «запоздалой непокорности»: «Нужно было наверстать упущенное, сказав “нет”, — тем самым это “нет”, так и не прозвучавшее до 1945 года, обретало силу применительно к теперешней ситуации в ФРГ. Неспособность сопротивляться тирании надо было компенсировать, сопротивляясь тому, что тиранией не было. А отрицание диктатуры, которого не было в свое время, требовалось загладить отрицанием строя, не имевшего с диктатурой ничего общего. Это новое отрицание буржуазности на деле способствовало не демократизации, а прежде всего возрождению симпатий к революционным диктатурам»¹².

О том, как эта реакция избегания выглядела и почему она стала возможной, я рассказываю в моей книге. Нельзя во всем обвинять поколение-68, но и гордиться особыми заслугами оно не вправе. Поступки этих людей были обусловлены серьезным общественным конфликтом: они оказались вовлечены в него не по своей воле и не могли не принять в нем участия. Это объясняет молодежные протесты и позволяет более хладнокровно определить их место в немецкой истории XX века.

(Издание в твердой обложке содержит мелкие неточности, обнаруженные внимательными читателями; здесь эти ошибки исправлены.)

Берлин, май 2009 г.

ВСЕГДА НА ПРАВИЛЬНОЙ СТОРОНЕ

Упоение революцией, уверенность в себе

Человек, которого сегодня приглашают на 60-летний или 65-летний юбилей бывшего товарища по протестным выступлениям 1968 года, оказывается среди бодрых, самоуверенных людей. Многие убеждены, что их прошлое было наполнено героической борьбой, и ставят себя выше нынешней молодежи, которая, как они считают, уже ни к чему не стремится. Описывая свою юность, эту хмельную революционную эпоху бури и натиска, веселые гости излагают как бы историю некоей улучшенной армии спасения: они причисляют себя к политическому «движению», которое защищало слабых, боролось за справедливость и прогресс во всем мире, в целом оздоровило обстановку в ФРГ и привлекло общественное внимание к прежде замалчиваемой теме национал-социалистического прошлого.

Мало кто из этих людей сознает, что немецкое поколение-68 испытало сильнейшее влияние патологических тенденций XX века и самым прискорбным образом походило на своих родителей, поколение-33. И те и другие позиционировали себя как «движение», намеревавшееся смести с исторической сцены республиканскую «систему». Они презирали — как нацистский юрист Карл Шмитт — плюрализм и любили — как Эрнст Юнгер — борьбу и активное действие¹³. Мания величия сочеталась в них с холодной беспощадностью. Несмотря на декларируемый коллективизм — чисто интеллектуальный, но почему-то считавшийся народным, — поколение-68 очень быстро обнаружило склонность к культуре личности. Руди Дучке, Ульрика Майнхоф, Че Гевара, Хо Ши Мин, Мао Цзэдун пользовались у молодежи широким уважением из-за решимости, с которой они пропагандировали свои социальные утопии. Поколение-68, в отличие от своих

родителей, восторгалось самыми разными освободительными движениями в дальних странах — во всяком случае, такими, в названии которых присутствовало слово «национальный». Когда я напоминаю бывшему соратнику, сегодня занимающему пост высокого правительственного чиновника, как тепло мы в 1972 году приветствовали камбоджийскую революцию под руководством Пол Пота, он фыркает в ответ: «Али, такого никогда не было!»

Не все участники движения-68 должны помнить о Пол Поте, но никто из них наверняка не забыл большевистскую «расстрельную» балладу* Владимира Маяковского в исполнении Эрнста Буша, которая долгие годы гремела во время многочисленных демонстраций и собраний: «Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер». Говоря обычной прозой: хватит болтать, берите винтовку и жмите на курок. Снайперский девятимиллиметровый пистолет производства немецкой фирмы «Маузер» был культовым оружием времен Октябрьской революции.

Разумеется, бунтовать было приятно и очень романтично. Да и причины для бунта действительно имелись. Однако притязания молодых людей на роль социального авангарда, их вера в прогресс, небывалая, неистовая жажда перемен, желание начать все с чистого листа и — немедленно появившаяся — готовность к насильственным действиям оказались при ближайшем рассмотрении поздними побегами тоталитаризма, глубоко немецкими по своей природе. Отсюда название этой книги: «Наша борьба». Лишь такой угол зрения позволит воздать бунтарям историческую справедливость и оценить их с известным снисхождением.

Протесты начались в 1967 году и продолжались до конца 1969-го. Потом их участники разбрелись кто куда. Одни перешли на монодиету, питаюсь только мюсли, другие стали профессиональными революционерами, прочие посещали по средам специальный кружок, чтобы искать точку G, начали сознавать свою гомосексуальность, занимались оборудованием детской игровой площадки или организацией районной инициативной группы. Некоторые поняли, что в глубине

---

* «Левый марш» Маяковского (переведен на немецкий Гуго Гупшпертом).

души консервативны: они спасали здания эпохи грюндерства от сноса, который им повсеместно угрожал, защищали от уничтожения природу; забыли хунвейбинов ради дождевых лесов, уличные бои — ради декоративной штукатурки, антибуржуазность — ради буржуазности. Кто-то увлекся анархистскими идеями Михаила Бакунина, патологического антисемита, кто-то повесил на плечо джутовую сумку с изображением белого голубя мира. Выбор для желающих обрести личное счастье в рядах альтернативных левых был велик: от съезда Туникс* и глубокой обеспокоенности гибелью тропических лесов до так называемых «дней хаоса»**. Так, Йошка Фишер, будущий министр иностранных дел, состоял в группах «Революционная борьба» («Revolutionärer Kampf») и «Отряд зачистки» («Putztruppe»). Целью обеих групп было свержение «системы» с помощью децентрализованных боевых акций.

Лиловый, красный, розовый, черный и зеленый — за каждым из этих цветов таились разные возможности и комбинации; желтый же означал: «Атомная энергетика? Нет, спасибо!» Вне зависимости от того, оправдан или не оправдан был каждый из этих разноцветных проектов будущего, их создателей долго связывало нечто общее: они гордо считали, что принадлежат к лучшей части человечества. Возникнув в 1967 году, студенческое движение некоторое время именовало себя «внепарламентской оппозицией»; позже к входившим в него группам стали применять общее название: «новые левые» или «новые социальные движения», в отличие от «старых левых», которых представляла ГДР. Восточных немцев считали «ревизионистами», соглашателями и замшелыми ретроградами. Поначалу главным оплотом движения стал Социалистический союз немецких студентов (ССНС).

Хотя студенческие волнения можно с полным основанием назвать явлением международным, именно в государствах-агрессорах, виновниках Второй мировой войны — Германии, Италии и Японии, некогда составлявших «Ось», —

---

* От разговорного *tu nix* (*tue nichts*), «ничего не делай, бездельничай».

** С 1983 г. — слеты панков, в которых принимали участие и другие левые группы.

протесты университетской молодежи вскоре приобрели особенно непримиримые, насильственные и крайне стойкие формы¹⁴. В отличие от своих собратьев из Англии, Франции и США, немецкие антиавторитарные «дети цветов» почти сразу впали в безумие мировоззренческой борьбы.

В 1965 году Ульрика Майнхоф, одна из лидеров едва зачинавшегося движения новых левых, настолько огорошила своими идеями Иоахима Феста, что тот невольно вспомнил своего нацистского политрука: тогда, в 1944 году, сказал ей Фест, «он в последний раз сталкивался со столь напористой самоуверенностью в суждениях об устройстве и предназначении мира». Майнхоф осеклась было, но тут же со смехом вернулась к своему «веселому боевому настрою». И продолжала в прежнем духе. Перебив ее, Фест возразил: после стольких лет нацизма он не понимает потребности, «подталкивающей ее вести ребяческую игру в “небо-и-ад”»^{15*}.

Спустя два года, 2 июня 1967 года, демонстрант Бенно Онезорг был застрелен полицейским, и берлинские студенты сделали огненными знаками своего протеста подоженные газеты, издаваемые концерном Шпрингера. Фест, в то время телерепортер Norddeutscher Rundfunk, комментирует это событие так: «Трагические воспоминания не тревожат членов экстремистских групп — политическое сознание этих людей чуждо понятию вины. Для них главное — устранить то, что они (опять-таки не задумываясь о возможной вине) именуют “системой”»¹⁶. Пусть этот факт, возможно, раздражает бывших активистов, но леворадикальное студенческое движение 1968 года во многом унаследовало черты, свойственные движению праворадикальных студентов 1926—33 годов. Именно поэтому ниже, в одной из глав, я рассказываю о годах становления Национал-социалистического союза студентов Германии.

В бывшей ФРГ поколение-68 стало первым, получившим возможность значительно продлить юность — ту часть жизни,

---

* Популярная в Германии детская игра. Квадратный лист бумаги складывается и раскрашивается в голубой (небо) и красный (ад) цвета таким образом, чтобы один из игроков, развернув бумажку вдоль одной из двух возможных осей, попадал на «небо» (голубой разворот) или в «ад» (красный разворот); другой же игрок должен угадать, куда «попадет» первый.

когда человек не связан необходимостью работать и отвечать за себя и других. Противозачаточные таблетки у молодых людей были, а о СПИДе они слыхом не слыхали. Они жили в полном достатке и не подозревали, что немцы когда-нибудь могут стать желанными гастарбайтерами в Польше. Благодаря сверхплотной структуре социального страхования многим удавалось вести молодежный образ жизни вплоть до преклонных лет. Любители и любительницы незастроенных социальных выплат, а то и страхового мошенничества — такие, скажем, как бывшая учительница, коммунистка, получившая пенсию досрочно, в возрасте 40 лет, поскольку ранее уехала преподавать в село, — долгое время оставались причисленными к леворадикальному миру, пользуясь благодаря своей эгоистичной изворотливости общим уважением. Сегодня большинство этих людей сконфуженно молчат. После 1989 года гордиться паразитическим образом жизни стало зазорно.

Живи вольготно, живи свободно. Террор? Охотно!

В обособленном пространстве Западного Берлина 1970–80-х годов еще долго сохранялись остатки леворадикальной среды. Некоторые, особенно энергичные ее представители захватили целые дома; выдержав ради приличия несколько лет, многие устроили там собственные квартиры. Параллельно можно было использовать другие источники: основать левую ежедневную газету, существующую на деньги налогоплательщиков, или разжиться какой-нибудь государственной субсидией. Время от времени не грех было пожить на пособие по безработице, а потом — Западный Берлин был свободным городом (свободным от самых разных видов контроля), — закатиться куда-нибудь в Тоскану. Цены на недвижимость падали, субсидии из Западной Германии росли. Враг принял законы о чрезвычайном положении и «двойное решение НАТО»*.

---

* Законы о чрезвычайном положении были приняты бундестагом в мае 1968 г. Двойное решение НАТО (1979 г.) — комплекс контрмер, вызванных установкой в Белоруссии советских ракет средней дальности.

Сидел этот враг в Бонне, которому карикатурист Герхард Зайфрид дал название «город Бонз».

Сторонники мира автоматически зачислялись левыми радикалами в сторонники сохранения статус-кво. Хельмут Коль был для них чем-то вроде зомби; Че Гевара и Ульрика (читай: Майнхоф), напротив, не умерли: их изображения стали талисманами. В Кройцберге*, нежно прильнув щекой к стволу вздетого автомата Калашникова, палестинская террористка Лейла Халед устремляла потупленный взор прекрасных черных глаз на двуспальную кровать, изготовленную в «альтернативной» мебельной фирмой «Holzwegm». На стенах домов красовались надписи: «Живи вольготно, живи свободно. Террор? охотно!» или «Ласково, но жестко». Возник своего рода сентиментальный сталинизм. В краткой автобиографии медленно стареющий «революционер»** писал: «живу и работаю в Берлине». Последний глагол можно было понимать как угодно.

Несмотря на спад производства, зарплаты и пособия в огороженном идиллическом оазисе по-прежнему соответствовали коллективным договорам о тарифных ставках, заключенным в результате переговоров в Штутгарте, — и к ним еще добавлялись выплаты, причитавшиеся жителям фронтового города. Штат государственных служащих был раздут. Тот, кому не перепало теплое местечко, мог пристроиться в Свободный университет или в Союз поддержки прогрессивного интеллектуального и культурного достояния, — иначе говоря, на презираемые «казенные хлеба». Заметим еще, что в этом западноберлинском балагане на каждого хулиганствующего шваба, уклонявшегося от военной службы, приходилось отряжать по меньшей мере одного полицейского.

Вплоть до конца 1980-х район между перекрестком Kranzler-Eck и станцией метро Schlesisches Tor оставался местом обитания самовлюбленных бездельников¹⁷. Их материальное положение обеспечивалось изоляцией города

---

* Район Западного Берлина, населенный эмигрантами, в основном турецкими.

** Revoluzzer — слово, введенное в оборот Эрихом Мюзамом; ироническое обозначение «горе-революционера».

от европейского мира. Отсюда стойкая антипатия, которую после 1989 года многие бывшие участники «движения» питали к представителям своего поколения и более молодым людям, прибывающим из ГДР. Восточные немцы были полной противоположностью западных сверстников: получили хорошее образование, не растратили понапрасну многих лет жизни, разве что против воли. Конечно, те, кто летом 1989 года голосовал против ГДР «ногами», добивался в Праге или Будапеште права на свободу передвижения и в итоге сокрушил железный занавес, могли иметь в виду западное благосостояние. И что же? В результате грандиозного фортеля, который выкинула история, они подарили свободу прежде всего западноберлинским членам «альтернативного» движения. Причем освобожденные, как и в 1945 году, отнюдь не радовались освободителям, пришедшим с Востока.

Незванные восточные гости разрушили с трудом созданный «альтернативный» мирок. В 1980-е годы «движению» наконец удалось создать партию и сформировать в Западном Берлине красно-зеленый сенат — не в последнюю очередь для более интенсивной подпитки левых проектов из средств налогоплательщиков. В Бонне «зеленые» под предводительством Йошки Фишера и Антье Фольмер уже предвкушали свой скорый приход — совместно с Оскаром Лафонтемом, — на смену правительству Коля. И тут восточные немцы все испортили: в результате воссоединения Германии западные зеленые в 1990 году вылетели из бундестага.

Новая ситуация открывала новые возможности, и неисправимые леворадикальные умники поспешили, изменив плюс на минус, найти для себя наиболее удобное поле деятельности. Бывшим маоистам, самостоятельным уличным бойцам, а также дамам и господам, которые привыкли лентяйничать, предаваясь, в отличие от трудового народа, «политической “сиесте”», нужно было лишь вспомнить о критике, которой в свое время подвергали «советский ревизионизм» и московский «социал-империализм», — и вот они уже снова на правильной стороне. Можно начинать травлю сотрудников Штази. Поскольку сами «работники последнего часа» усвоили демократические процедуры лишь наполовину, они со всем пылом неопитов набросились на «структурных антидемократов» — «косных,

изуродованных тоталитаризмом» обитателей «зоны». Вы попробуйте присмотреть себе домик в Бранденбурге — увидите, какие там дачные поселки! И при всем этом — какая неотесанность! Какая рабская манера речи!

Так, стоило одной женщине средних лет как-то представиться: «Меня зовут Лиза Шмиц, я патологоанатом из Йены», — как ее собеседницу, западную феминистку, передернуло: «Не анатом, а анатомка!». Подумать только: милая дама до сих пор не слыхала о женской эмансипации! Между прочим, Ангела Меркель тоже не в курсе. Недавно на вопрос, как долго она рассчитывает оставаться на своем посту, Меркель ответила: «Я мыслитель* краткосрочного плана». Тот факт, что в новых федеральных землях среди оканчивающих среднюю школу и сейчас сохраняется самая высокая, причем с заметным отрывом, доля девушек, в этой картине мира не учитывается. А ведь уже в 1960-е годы соответствующий показатель в ГДР сравнялся с долей юношей, тогда как в ФРГ примерный паритет был достигнут двадцатью годами позже.

В одном из своих интервью, которое включено в сборник, изданный в сентябре 2006 года, Антье Фольмер отвечает на вопрос, почему Ангела Меркель сумела сделать карьеру в ХДС: у нее, считает Фольмер, нет «гена», из-за которого западные женщины-политики раз за разом попадались в «женскую ловушку». «Это тот исключительный случай, когда социализация на восточногерманский манер оказалась полезной». Столь же самоуверенным тоном она распекает Меркель и дальше: «Идея гражданского общества ей в любом случае чужда. Она ведь не принимала участия в движении за гражданские права в ГДР». Такого Меркель никогда и не утверждала. В отличие от теолога Фольмер, она не выдает свой жизненный путь за стезю неколебимой добродетели. Когда интервьюер заметил, что федеральный канцлер все же пришла в ХДС из партии «Демократический прорыв», Фольмер нашлась: «В сущности, она вообще явилась невесть откуда; талантливый специалист в области естественных наук, она воспитывалась в образованной семье, далекой от общественных процессов, и не готовилась к тому, чтобы в них участвовать».

---

* Вместо «мыслительница».

Антье Фольмер выучилась подобным приемам в 1970-е, вдыхая идеологический чад, производимый маоистской Коммунистической партией Германии. Вот что она пишет, например, в биографии Клары Цеткин, которую опубликовала в 1978 году и переиздала, несколько пригладив, в 1984-м. Речь идет о социал-демократическом правительстве 1918 года: «Широкие массы, с одной стороны, не распознали тогдашнего главного врага революции в социал-демократах; с другой — не были вооружены. Но прежде всего им не доставало сильного революционного центра, который мог бы направить, организовать и ускорить действия масс; им не доставало коммунистической партии»¹⁸. Фольмер опубликовала эту книгу под именем «Карин Бауэр» — германофильским и в то же время аграрно-революционным криптонимом. Как многие другие, она расставалась с коммунистическими догматами очень медленно.

В 1985 году журнал *Spiegel* организовал дискуссию между Фольмер и ее коллегой по фракции Отто Шили (тогда еще «зеленым»). На вопрос Шили, согласна ли Фольмер с его заявлением, согласно которому зеленые признают государственную монополию на насилие, она ответила: «Мне не нравятся ваши расспросы. Нет, я его не поддерживаю». Газета *Tageszeitung* в лице Клауса Хартунга тогда поддержала Фольмер¹⁹. Ни словом не обмолвившись на почти трехстах страницах сборника интервью о своей многолетней деятельности в маоистско-сталинистской фасадной организации *, Фольмер уверяет, будто наделена «природной невосприимчивостью к сектантству». Стремление задним числом облагородить свою биографию свойственно многим ее ровесникам и бывшим соратникам. Скоро внук Антье Фольмер запишит: «Бабушка вообще не участвовала в движении-68!»²⁰

Как согреться на чужом пепелище

В 1968 году молодежь ФРГ мечтала о фундаментальных, коренных переменах. Этот грандиозный революционный

---

* Здесь: легальная организация, прикрывающая нелегальную деятельность.

замысел не дал никаких осязаемых результатов. Все же в начале 1980-х новые левые обзавелись своим щупальцем в парламенте — фракцией зеленых. Проект нескольких поколений пережил запоздалую кульминацию в 1998 году, в правление Шредера/Фишера, и спустя семь лет знаменательным образом обрел бесславный конец.

Время от времени друзья, выросшие в ГДР, спрашивают меня, в чем причина неприкрытой антипатии к восточным немцам, выказываемой, например, той же Антье Фольмер. Поколение-68 презирало ГДР изначально. Будничная, скромная и мирная жизнь этого государства заставляла видеть в нем что-то вроде диктатуры садоводов-любителей и домашних умельцев. Тем не менее в конце своего существования ГДР сумела выйти из коллапса мирным путем. Но как раз этот аспект перемен интересовал бывших воинственных борцов за лучший мир в последнюю очередь. Добропорядочные бедные родственники, вернувшиеся под родной кров, вызывали у них раздражение. Эти непрошеные новые граждане угрожали подорвать материальную основу их псевдореволюционного благоденствия. Так называемой альтернативной культуре, процветавшей в берлинском оазисе, они «сломали кайф», заставили пригревшуюся там компанию ощутить сквозняк мировой истории и отвели поток субсидий в свою сторону. Благодаря восточным немцам, многие бывшие бунтари повзрослели, узнали, что такое стесненные материальные обстоятельства. Отсюда и напряженные отношения.

На протяжении десяти, а то и двадцати лет многие «революцеры» тешились самостоятельным альтернативным мироустройством. Они видели в себе антиправительственную группу сознательных аутсайдеров. Лишь в начале 1980-х многие попытались наверстать упущенное. Характерен в этом отношении политический взлет давних участников теневой экономической деятельности, которую вели франкфуртские левые, — Йошки Фишера, Даниэля Кон-Бендита, Тома Кенигса, Томаса Шмида. Но зеленый «проект» не мог вместить всех желающих. Подходящих должностей у зеленых было слишком мало. Кроме того, бывшие бунтари, задумавшиеся о позднем возвращении в нормальное общество, начали замечать в себе печальные признаки старения

и, не так уж редко, сознавать свою недостаточную образованность. В этой ситуации неожиданно открылись новые перспективы, вызванные крушением ГДР. Рынок труда переживал подъем. Появление новых карьерных возможностей на востоке страны обернулось улучшением ситуации и на западе. И там и тут нужно было оттеснить интеллектуалов ГДР. Представителей тамошних элит — безусловно, сращенных с прежним аппаратом, — снимали с постов и отправляли куда-нибудь подальше, потому что на каждый такой пост уже нацелились люди с запада, включая и бывших «альтернативных» противников государства.

Неудивительно, что охотники за должностями из Киля или Штутгарта, близкие к ХДС, СДПГ или СвДП, сорвались с мест и отправились пытаться счастья в Лейпциг или Грайфсвальд. Заведующие кафедрами выбивали для своих подхалимов «горящую» синекуру в Ростоке. В чиновничьей иерархии открывались заманчивые места: можно было получить высокооплачиваемое местечко и аппетитную надбавку за отдаленность в довольно приятных городах — Потсдаме, Эрфурте, Дрездене. В старых федеральных землях служащие хладнокровно и с полным единодушием внимали сигналу: «раз, два, взяли!»

Социальный педагог из западноберлинского района Нойкельн, когда-то участвовавший в уличных боях, неожиданно для всех стал профессором педагогики в Потсдаме; болтливая журналистка постмарксистского направления перешла из *Tageszeitung* в бывшую столичную газету Социалистической единой партии Германии на должность заведующей отделом. Какой-то несостоявшийся профессор был назначен в той же газете редактором отдела мнений. Безработные социологи, прежде избегавшие «отношений капиталистической эксплуатации», исцелялись от своих предубеждений на востоке: они просачивались даже в Управление федерального уполномоченного по документации бывшего МГБ ГДР. Персонаж, зарабатывавший на жизнь массажем, получил профессуру в Эрфурте. Энергичный боец из ССНС обрел позднее профессиональное счастье в многоэтажном деловом центре в Мекленбурге. «Левые» западноберлинские учителя,

двадцатью годами раньше нахваливавшие «революционную профессиональную практику», бросили своих трудных учеников на произвол судьбы и отбыли в бранденбургское министерство образования.

Проигравшие «революцеры» так и не сумели осуществить свою мечту о перевороте в обществе благоденствия. Теперь они извлекали выгоду из переворота, который совершили другие. Одного этого было достаточно, чтобы смотреть свысока на жителей ГДР. Более того: марксистские выученики 68-го постепенно расставались со своей терминологией, далекой от реальности. Йошка Фишер опубликовал книгу «Левые силы после социализма» лишь в 1992 году. Вместо основных и неосновных противоречий, вместо труда и капитала он и другие левые, за неимением свежих идей, начали говорить о гражданском обществе. Пусть с опозданием, они все же открыли для себя преимущества социального расслоения и осознали: в единстве может быть и глупость*.

Именно в этот момент в историю Западной Германии ворвались новые граждане из восточных земель. Они ориентировались на ценности, среди которых выросли: трудовая бригада, боевая рабочая дружина** и коллектив жильцов. Сложные мысли они нередко выражали с помощью марксистских формул. В политических дискуссиях снова замелькали старые понятия: интересы капитала, производственные отношения, империализм, историческая закономерность. Западные левые отвергали этот избитый лексикон с отвращением. Восточные немцы держали перед ними зеркало, в котором, если не отворачиваться, можно было сразу увидеть, насколько тоталитарным было прежнее мировоззрение бунтарей. Это лишь усиливало в них желание отмежеваться.

Показательным примером может служить Томас Шмид. В 1990 году бывший участник франкфуртского движения кое-как перебивался временными грошовыми заработками,

---

* Парафраз идиоматического выражения «В единстве сила» (по-немецки: Einigkeit macht stark).

** Специфический восточногерманский термин, обозначающий военизированную организацию на предприятии.

но уже в 1993-м был назначен главным литературным редактором восточноберлинской газеты *Wochenpost*, а потом и заместителем главного редактора этой газеты. Таким образом, он вступил на журналистское поприще в нежном сорокашестилетнем возрасте. Сегодня Шмид – главный редактор газеты *Welt*. Ничего не имею ни против самой должности, ни против работодателя. Меня интересует лишь одно: почему Шмид комментировал воссоединение Германии столь высокомерным тоном; почему в 1991 году, говоря о своих соотечественниках из ГДР, сурово констатировал, что их «в сущности, не коснулись новые демократические веяния, – напротив, во многом это люди, которые еще не пришли к демократии, к гражданскому обществу»²¹.

Само название опубликованной в 1990 году книги Шмида «Похороны за государственный счет. О гражданском обществе» («*Staatsbegräbnis. Von ziviler Gesellschaft*») выдает в нем демократа «последнего часа» и претендента на незаслуженное наследство. Он явно завидовал скорой победе, одержанной жителями ГДР: «Режим не был поставлен на колени, не было упорной борьбы. [...] Народ не вступил в ближний бой с рушащимися под его напором государственными институтами. Он не оказывал на эти институты давления и не сталкивал их друг с другом, не отвоевывал территорию шаг за шагом, неся время от времени потери, – люди попросту хлынули на улицу, образуя физическую массу»²².

Так Шмид попрощался со своими былыми воинственными фантазиями, рассказывая о современных понедельничных демонстрациях* в ГДР. В отличие от Йошки Фишера, выступившего в роли уличного бойца, он показал себя подстрекателем. В 1970 году на заводе «Опель» в Рюссельсхайме он, бывший тогда так называемым постоянным членом группы «Революционная борьба», хотел поставить «вопрос о власти», плохо соотносящийся с ценностями гражданского общества. Позже Шмид стал редактором и автором журнала «Автономия. Против общества фабрик» («*Autonomie – Materialien gegen die Fabrikgesellschaft*»). В 1975 году на страницах этого

---

* Мирные протестные демонстрации, требовавшие демократизации общества. Проходили в ГДР в 1989-м и отчасти в 1990 г.

журнала он ностальгически вспоминал Великий четверг 11 апреля 1968 года, когда 23-летний подсобный рабочий Йозеф Бахман произвел роковые выстрелы в Руди Дучке, и писал о том, как во всей стране студенты, «школьники, ученики на предприятиях, молодежь в самом широком смысле» «в прекрасные пасхальные дни 1968 года вступили в уличную борьбу». Напомню: эти «прекрасные» события привели к тому, что два человека лишились жизни. Шмид же вколачивал в головы читателей: дело идет о «разрушении буржуазного общества», о создании «альтернативной власти», о «революционном процессе», который должен быть «разлагающим, разрушительным, негативным».

Подобное тогда писали многие, а в 1977 году Шмид уже покончил со своим революционным громоханием. Впоследствии он сделал немало для смягчения левой идеологии. Но нельзя умолчать о том, что мирных революционеров 1989 года — Фолькера Брауна и лейпцигских пасторов — он чернил со своих прежних позиций, определявшихся культом насилия. Ему пришлось не по вкусу «тихое», «старомодное стремление к свободе и ответственности», проявленное людьми, которые, подготавливая ликвидацию ГДР, действовали человечно и осмотрительно²³. Союз «и» между словами «свобода» и «ответственность» Шмид выделил курсивом. В 1975 году он проповедовал, что современному революционеру не следует возиться с проектами «постепенного обновления старого общества», поскольку революционеры «отрицают понятие ответственности»²⁴.

Хозяева собственной истории

Поколение-68 заполняет мемуарами ветеранов — и апологетическими, и самокритичными, — целые книжные полки. Среди них встречаются замечательные сочинения: можно выделить книгу Герда Кенена «Красное десятилетие» («Das rote Jahrzehnt»), а также работы Вольфганга Краусхаара. Но все они опираются преимущественно на листовки, брошюры, книги и протоколы, которые были созданы деятелями леворадикального прорыва. Возражения былых противников, какими бы они ни были — неуклюжими, умными, злобными,